

Гужаловский А. А.

МУЗЕИ БССР В ГОДЫ КУЛЬТУРНОЙ РЕВОЛЮЦИИ. 1928–1941 гг.

В настоящей статье представлена информация о создании и функционировании новой модели советского музея в БССР 1930-х гг. Впервые для исследования этого вопроса был привлечен такой широкий спектр архивных источников, периодических изданий и современных исследований. В рассматриваемый период были подвергнуты революционной ломке основные социальные функции музеев Советской Белоруссии, в том числе документирование социальных процессов, интерпретация коллекций в экспозициях, культурно-образовательная деятельность. Идеологами культурной революции было выработано новое понимание музея как одного из наиболее важных инструментов воспитания коммунистических масс. На примере белорусских государственных и общественных музейных учреждений автор знакомит читателя с механизмами разрушения фундаментальных основ музейного дела и создания нового музея – продукта тоталитарного общества.

Ключевые слова: культурная революция, коммунистическая идеология, государственная музейная политика, Народный комиссариат просвещения, Центральное бюро краеведения, Белорусский государственный музей, государственные музеи, общественные краеведческие музеи, музеи западной части БССР.

Введение

В конце 1920-х гг. параллельно с индустриализацией и коллективизацией партийное руководство СССР приступило к массовой трансформации культурной жизни советского общества, вошедшей в историографию под названием «культурная революция». Главной задачей культурной революции, которая в целом была реализова-

на в годы двух первых пятилеток (1928–1937), являлось внедрение в личные убеждения советских граждан марксистско-ленинской идеологии. По замыслу партийных идеологов частью новой официальной советской культуры, наряду с литературой, театром и кино, должен был стать музей. Осмысление системных преобразований музейного дела БССР периода культурной революции, поставивших музеи на грань исчезновения, можно определить как цель данной статьи. Актуальность ее очевидна. Разработка новых музейных программ и технологий в Республике Беларусь XXI в. может быть осуществлена лишь после глубокого осмысления тоталитарного прошлого белорусских музеев.

Между тем история музейного дела БССР периода культурной революции малоизученна. Все имеющиеся работы на эту тему можно разделить на две группы. К первой из них относятся статьи по истории конкретных белорусских музеев, написанные их сотрудниками (Кандрацьева 1999, 3–23; Шо́да 2000, 6–16; Усава 2001, 18–23; Ксяневіч 2001, 258–67; Акуневіч 2009, 214–19). Авторы другой группы работ предприняли попытку дать общую характеристику музейного дела в БССР в 1930-е гг. (Марцелев 1974, 57; Яніцкая 1994, 27–40; Гужалоўскі 2002, 3–145). Несмотря на то, что большинство перечисленных работ содержат ценные факты, а в ряде случаев – и интересные обобщения, феномен возникновения тоталитарного музея в Советской Белоруссии в них в целом не изучен.

Прежде чем перейти к изложению фактического материала по истории музейных преобразований в БССР в 1928–1941 гг., необходимо вкратце охарактеризовать состояние музейного дела в республике накануне их проведения.

На одном из первых заседаний рабоче-крестьянского правительства Белорусской Советской Социалистической Республики (БССР) 30 января 1919 г. специальным постановлением вся ответственность за сбор и охрану движимых памятников истории и культуры была возложена на Народный комиссариат просвещения (НКП). Примерно тогда же НКП БССР принял решение о создании в Минске Областного музея, под который было отведено здание бывшего Дворянского собрания. Прерванное польской оккупаци-

ей, его развитие продолжилось в 1920 г. под руководством Музейной комиссии Академического центра НКП БССР. Музейная комиссия, которую возглавил нумизмат П. В. Харлампович, впервые в белорусской истории поставила цель создания государственной музейной сети с центральным руководством.

В декабре 1923 г. вышло постановление Совета Народных Комиссаров (СНК) БССР «О регистрации, приеме на учет и охране памятников искусства, старины, быта и природы, которые находятся в собственности учреждений, обществ, а также частных лиц». Этим постановлением запрещался вывоз и продажа памятников культуры за границу, передача их от одного владельца другому. Перемещение памятников подлежало обязательной регистрации в научно-экспертной комиссии, которая была создана руководством НКП. При продаже того или иного памятника преимущественное право приобретения принадлежало научно-экспертной комиссии. Музеи могли использовать предметы истории и искусства, которые находились в частной собственности. В целом постановление СНК БССР 1923 г. создавало правовую базу для деятельности государственных музеев БССР.

Во время выхода этого постановления Белорусский государственный музей (БГМ) – так было решено назвать возрожденный Областной музей – уже получил свое «Положение», разработанное Академическим центром. Согласно этому документу БГМ являлся центральным органом хранения, изучения и популяризации движимой части природного и историко-культурного наследия, имеющего общереспубликанское значение. Положением предусматривалось создание в музее следующих отделов: 1) этнографического; 2) еврейского; 3) историко-археологического с подотделами нумизматики и древнего Минска; 4) художественного; 5) церковного; 6) кустарно-промышленного; 7) природы Белоруссии. В музее также имелся собственный архив и библиотека.

БГМ в Минске придавался статус центрального музейного учреждения с филиалами (отделениями) в Витебске, Могилеве и Гомеле. По мысли авторов этого проекта, создание филиалов не означало простого поглощения малых музеев столичным. Объ-

единяемые музеи, подчиняясь воле Совета столичного музея или Музейной комиссии Академического центра, сохраняли определенную автономию в виде неприкосновенности коллекций, планирования научной работы и т. п. Все это было подробно изложено в постановлении СНК БССР от 19 ноября 1924 г. «О концентрации художественных и историко-культурных ценностей». Таким образом, в 1924 г. была выработана и реализована программа объединения музеев республики в определенную систему. Она касалась главным образом государственных музеев, подчинявшихся НКП. Сеть общественных краеведческих музеев, которые подчинялись Центральному бюро краеведения (ЦБК) и получали нерегулярное финансирование из местных бюджетов, требовала серьезной организационной и научной проработки. Не были также учтены музеи под управлением других ведомств и учреждений – Центрального Комитета Коммунистической партии (большевиков) Белоруссии (ЦК КП(б)Б), Института белорусской культуры (ИБК), Белорусского государственного университета (БГУ) и др.

1920-е гг. были временем активного комплектования всех музейных фондов БССР. Например, в БГМ к концу 1927 г. они превысили 30 тыс. единиц хранения, что позволило спроектировать интересную экспозицию и развернуть на ее базе культурно-образовательную деятельность (в 1928 г. ее осмотрело более 15 тыс. человек). Именно на это время приходится пик деятельности музея. В 1927–1929 гг. обязанности его директора исполнял вернувшийся из литовской эмиграции выдающийся белорусский национальный деятель и ученый, академик В. Ю. Ластовский. Благодаря его усилиям фонды БГМ обогатились крестом Ефросиньи Полоцкой – уникальным памятником белорусского средневекового искусства.

В августе 1928 г. на коллегии НКП БССР было решено выделить отделения БГМ, которые уже переросли статус филиалов, в самостоятельные хозяйственные единицы с собственным бюджетом. Увеличилось финансирование собирательской и издательской деятельности музеев, планировалось создание музейной аспирантуры. Тогда же при НКП было организовано Главное управление научными, музейными и научно-художественными учреждениями (Глав-

наука), которое возглавил выдающийся белорусский национальный деятель и ученый С. М. Некрашевич. В подчинение Главнауки были переданы научные общества, ботанические сады и музеи. Для последних это имело существенное значение – за ними законодательно закреплялся статус не только просветительных, но и научных учреждений.

Деятельность краеведов 1920-х гг. имела большое значение для развития науки, поднимала интеллектуальный уровень провинциальных городов и деревень, способствовала просвещению широких слоев населения. Исключительное значение краеведческая деятельность имела для изучения и развития национальных культур Белоруссии. Нельзя не отметить значительные заслуги краеведов, особенно музейных работников, в развитии специальных исторических дисциплин, в разработке методов атрибуции и описания музейных предметов, картин, рукописей. При всех недостатках – непригодных помещениях, скромном финансировании, отсутствии штатных должностей – краеведческие музеи сыграли большую роль в повышении культурного уровня страны. Под управлением ЦБК они стали формой проявления демократической самодеятельности населения, рассказывали о традициях, национальных корнях, консолидировали общество.

1928–1929 гг. были временем высшего взлета музейно-краеведческого движения в БССР. К этой деятельности присоединяются лица разного социального положения и степени подготовки, преимущественно интеллигентных профессий и учащиеся. Выявление, учет, охрана и использование ими природных объектов и культурных ценностей стали основными направлениями деятельности большинства краеведческих организаций, что вплотную подводило к открытию музеев. На 1 января 1928 г. в БССР существовало 7 окружных и 27 районных краеведческих музеев.

Таким образом, в 1920-е гг. музеи занимали важное место в жизни белорусского общества. Появились органы управления музейным делом, новые типы музейных учреждений, новаторские формы работы, специализированная литература, наконец, профессия музейного работника. Это был важный этап на пути признания му-

зейного дела как самостоятельной сферы деятельности, время радикальных изменений в деятельности музеев. Суть этих изменений была в демократизации, значительном расширении аудитории музеев, увеличении их количества, профилей, а также популярности. Трудно переоценить вклад музеев в развернувшуюся в республике работу по охране и изучению национального природного и культурного наследия, а также по формированию исторического самосознания и экологических знаний населения.

Все музеи, существовавшие в 1920-е гг. в БССР, можно разделить на две группы по их юридическому статусу: 1) государственные музеи НКП, а также других ведомств и учреждений; 2) общественные краеведческие музеи ЦБК. Значительная часть национального историко-культурного наследия хранилась в музеях, созданных на этнических землях Западной Белоруссии, отошедших к Польше по Рижскому мирному договору 1921 г. и переданных БССР вскоре после начала Второй мировой войны в 1939 г.

Государственные музеи

20 июля 1928 г. на заседании Всероссийского Центрального исполнительного комитета была принята резолюция о музейном строительстве, где музейные работники критиковались за неудовлетворительную работу с точки зрения социалистического строительства. В качестве главных задач, стоявших перед музеями, были названы: а) изучение природных и производительных сил страны; б) разработка тем революции, рабочего движения и быта рабочих; в) участие в индустриализации страны, развитии сельского хозяйства, кустарных промыслов; г) содействие укреплению обороны страны; д) решение других важнейших задач социалистического строительства (*Собрание узаконений*, 726). Началась перестройка работы советских музеев, во время которой значительно изменилась суть их деятельности, а также кадровый состав (рис. 1).

1 августа 1929 г. специальная комиссия НКП, которая обследовала БГМ, резко раскритиковала отдел «Древний Минск» за экспонирование портретов минских воевод, еврейский – за показ еврей-

Рис. 1. Здание Минского социально-исторического музея. Сер. 1930-х гг.

ских культовых древностей, этнографический – за демонстрацию исключительно крестьянских вещей (в ущерб рабочему быту), художественный – за приобретение предметов церковного искусства. Констатировалось, что «кроме бюста Ленина на входе больше нет коммунистической пропаганды» (НАРБ 101/1/3504/34).

Вскоре начались принудительные кадровые перестановки. Из музея были уволены несколько научных сотрудников, имевших несоответствующее социальное происхождение. Директор музея В. Ю. Ластовский был подвергнут критике за «бюрократический, закрытый стиль работы, <...> непонимание современных задач и роли музея как воспитательного пролетарского учреждения» (НАРБ 101/1/3504/34). А в июле 1930 г. он вместе с председателем Главнауки С. М. Некрашевичем был арестован ОГПУ. Оба они были осуждены на различные сроки ссылки вглубь России по обвинению в принадлежности к не существовавшему «Союзу освобождения Беларуси», а осенью 1937 г. повторно арестованы и расстреляны.

В декабре 1930 г. в Москве собрался Первый Всероссийский музейный съезд. Направление его работы было задано в письме наркома просвещения А. С. Бубнова, который призвал преодолеть «реакционное рутинерство», избавиться от «музеев-кунсткамер», поставить их на службу социалистическому строительству. Взятый в Москве курс закрепило Всебелорусское совещание музейных работников, прошедшее в Минске в 1932 г. Принятая на совещании резолюция требовала от музеев «...участвовать в классовой борьбе

Рис. 2. С. А. Рак-Михайловский – директор Минского социально-исторического музея. Начало 1930-х гг.

пролетариата с капиталистическими элементами и решительной борьбе с великодержавным шовинизмом и, как главной опасностью, контрреволюционным белорусским национал-демократизмом и другими местными шовинизмами» (Савецкая 1932б). На совещании звучали призывы к изгнанию старых специалистов, чистке фондов, перестройке экспозиций в соответствии с насущными идеологическими задачами. Предлагалось даже не употреблять слово «музей», а экспозиции создавать на улицах городов. Следующим шагом было физическое уничтожение музеев, что и происходило на протяжении 1930-х гг.

В начале 1930 г. СНК БССР выселил опальный БГМ из Архиерейского подворья в центре города, выделив для него во временное пользование четыре комнаты в Доме крестьянина. Туда же перевели Зоологический музей ИБК. В этом помещении коллекции БГМ, переименованного в Минский социально-исторический музей, несмотря на многочисленные обращения его сотрудников в самые высокие инстанции с просьбами вернуть бывшее здание, оставались до их вывоза немецкими оккупационными властями в 1944 г.

После ареста В. Ю. Ластовского в феврале 1931 г. должность директора занял другой выдающийся деятель белорусского национального движения С. А. Рак-Михайловский, который за несколько месяцев до этого приехал в БССР из Польши. Под его руководством быстрыми темпами была развернута новая экспозиция, в основе которой лежала марксистская схема смены социально-экономических формаций. Все материалы авторы разделили по периодам: первобытное общество, феодализм, капитализм, диктатура пролетариата и социалистическое строительство. Наибольшее внимание было уделено последнему периоду, где с помощью макетов, моделей и диаграмм рассказывалось об Октябрьской революции, граждан-

ской войне, индустриализации, электрификации, социалистической реконструкции сельского хозяйства, достижениях ленинской национальной политики (Пружинина 1933, 50) (рис. 2).

В просветительской, точнее говоря, пропагандистской деятельности музея основное внимание было обращено на создание передвижных выставок, посвященных хозяйственно-политическим кампаниям, революционным праздникам и др. Выставки направлялись в школы, колхозы, промышленные предприятия, воинские части. Идеологическую тональность этих экспозиций хорошо передает название выставки, подготовленной к Международному красному дню – «Против империалистической войны – за войну гражданскую» (НАРБ 101/1/3504/14). Подобная смена направления в просветительской работе музея объясняется не только стремлением выйти на максимально широкую аудиторию, но и ограниченными возможностями по приему посетителей в новой стационарной экспозиции.

Потеря БГМ своего здания свидетельствовала об изменении государственной музейной политики. В результате очередной реорганизации вскоре была упразднена Главнаука, а НКП структурно стал подразделяться на управления и отделы. В 7-й отдел, который объединял избы-читальни, клубы, дома культуры и парки, попали и музеи (НАРБ 4/3/328/96). Таким образом, музеи юридически были преобразованы из научных учреждений в культурно-просветительские. А руководство музейным делом из коллегиального органа, который объединял крупнейших специалистов в области изучения и охраны историко-культурного и природного наследия, превратился в обычный бюрократический департамент, занимавшийся передачей приказов «по инстанциям».

После ареста С. А. Рак-Михайловского в августе 1933 г. по обвинению в шпионской деятельности (расстрелян в 1937 г.) на должность директора Минского социально-исторического музея был назначен его заместитель, аспирант исторического факультета БГУ С. М. Якубчик. После двух лет борьбы с властями за музейное здание он пошел на своеобразный шаг отчаяния – обратился с письмом в редакцию газеты «Правда». В своем письме он, в частности, писал: «Музейное

дело в БССР явно недооценивается. Центральный исторический музей в Минске нашел убежище в 4-х маленьких комнатках. Художественный отдел музея закрыт, потому что нет выставочной площади. Богатейший фонд памятников искусства, археологические коллекции, большой этнографический и антирелигиозный материал музей вынужден хранить во влажных подвалах» (Правда 1935).

Публикация этого критического письма в главной партийной газете страны вызвала принятие трех постановлений бюро ЦК КП(б)Б, специально посвященных состоянию музейного дела в республике. Первое из них, которое вышло 29 апреля 1935 г., начиналось с резкой критики всех направлений музейной деятельности в БССР. Партийное руководство было недоволено отсутствием работы по созданию музейной сети, слабым показом социалистического строительства, отсутствием связи с хозяйственными и научно-исследовательскими учреждениями, плохим учетом и охраной памятников, низким качеством экскурсионного обслуживания. Причем вина за все это возлагалась на НКП и Белорусскую Академию Наук (БелАН). Улучшению состояния музейного дела, по мнению авторов постановления, должно было способствовать немедленное выполнение следующих мер: создание специального органа руководства музеями республики, улучшение их материально-финансового положения, создание системы профессиональной подготовки музейных сотрудников, введение уголовной ответственности за порчу исторических памятников (НАРБ 4/3/238/126).

Следует отметить, что ни одна из этих мер (каждая из которых, безусловно, способствовала бы улучшению состояния музейного дела в БССР) не была и не могла быть предпринята в условиях идеологического климата, который существовал в республике в 1930-е гг. Тем не менее 21 июня 1936 г. появилось новое постановление ЦК КП(б)Б «О краеведческой работе и положении музейного дела в БССР», которое дублировало предыдущее постановление (НАРБ 4/3/342/12). И это постановление не было выполнено, что бюро ЦК КП(б)Б зафиксировало в феврале 1937 г. в своем третьем постановлении ЦК КП(б)Б «О выполнении решений бюро ЦК КП(б)Б от 29 апреля 1935 г. и 21 июня 1936 г. о музеях» (НАРБ 4/3/401/230).

Рис. 3. Экспозиция
Минского социально-
исторического музея.
1933 г.

В своей основе третье постановление поднимало те же вопросы, что и два предыдущих – системы руководства, подготовки кадров, материально-финансового обеспечения. Но на этот раз они получили несколько иную политическую окраску. Тон всему постановлению задавал его первый абзац, где, в частности, мы читаем: «... идейно-политическое содержание работы музеев еще не перестроено в соответствии с требованиями партии в области пропаганды гражданской истории, истории большевизма и социалистического строительства» (НАРБ 4/3/401/230). Экспозиции всех музеев историко-краеведческого профиля планировалось перестроить в соответствии с содержанием постановления ЦК ВКП(б) «О преподавании гражданской истории в школах СССР». На ближайшее будущее было намечено ликвидировать Минский социально-исторический музей путем его слияния с Музеем революции БССР и образования единого центрального историко-революционного музея (это не было осуществлено). Всех беспартийных руководителей музеев предписывалось заменить коммунистами и комсомольцами. Работать на должностях научных сотрудников беспартийные могли только под пристальным наблюдением коммунистов (рис. 3).

На этот раз партийное руководство не ограничилось туманными обвинениями в адрес НКП и БелАН (с 1937 г. последняя уже не осуществляла научного руководства музеями, которые подчинялись исключительно НКП). За «саботаж» выполнения постановлений ЦК директор Минского социально-исторического му-

зая С. М. Якубчик был снят со своей должности и расстрелян в мае 1938 г. после полугодичного тюремного заключения. «За связь с троцкистскими террористами» была уволена директор Витебского культурно-исторического музея А. С. Рафалович, а в отношении ее предшественника Ю. Т. Шевчика было начато следствие.

Решения февральского постановления бюро ЦК КП(б)Б 1937 г. были доведены до сведения музейного сообщества Всебелорусским совещанием музейных сотрудников, которое проходило в Минске 25–26 февраля 1938 г. Его участники единогласно приняли постановление о перестройке экспозиций всех музеев БССР в соответствии с постановлением ЦК ВКП(б) о преподавании гражданской истории. Были определены сроки этой перестройки – 20-я годовщина образования БССР. Выполнение решений совещания обусловило параллелизм в деятельности музеев БССР, размытие границ между профилями музеев, а в ряде случаев – и их закрытие (Романчук 1938, 28).

Таковыми же тяжелыми, как и для Минского социально-исторического музея, были результаты новой музейной политики и для его бывших филиалов в Витебске, Могилеве и Гомеле. В феврале 1930 г. специальная комиссия, состоявшая из представителей рабоче-крестьянской инспекции, городского совета, а также директора Могилевского краеведческого музея В. Л. Венюкова, провела проверку Витебского культурно-исторического музея. Комиссия констатировала низкий идеологический уровень его работы. Так, в бытовом отделе не демонстрировалась победа коллективного хозяйства над индивидуальным, в антирелигиозном отделе предметы культа не получили атеистического объяснения, в художественном отделе не было ни одного произведения на революционную тематику. Авторы экспозиции также критиковались за показ четырех изображений Франциска Скорины, а также «...разных Тяпинских, Будных, Калиновских» (Лявонны 1931, 13).

Директору музея И. И. Василевичу члены комиссии напомнили о его деятельности по организации белорусской гимназии во время немецкой оккупации, научным сотрудникам В. В. Добровольскому – службу офицером в царской армии, Н. Н. Богородскому – долж-

Рис. 4. Стенгазета Витебского социально-исторического музея. 1935 г.

ность редактора епархиальных ведомостей. По результатам работы комиссии 11 февраля 1930 г. Витебский окружной комитет КП(б)Б принял постановление, согласно которому весь научный персонал музея был уволен (НАРБ 4/4/1/202). Вскоре после увольнения был арестован и сослан в Башкирию (где вскоре умер) И. И. Василевич. В 1938 г. расстреляли как врага народа Н. Н. Богородского (рис. 4).

После изгнания специалистов из музея начали исчезать аутентичные памятники. Их заменяли плакаты, фотографии, макеты. 11 апреля 1932 г. согласно постановлению городского комитета КП(б)Б Витебский культурно-исторический музей был переименован в социально-исторический. Перед ним была поставлена задача отражения общественных формаций и революций. За исполнением решений, изложенных в постановлении Витебского городского комитета партии, наблюдал новый директор, молодой член партии С. Р. Щуцкий, а также музейный совет, образованный из рабочих. Результатом их деятельности стало резкое сокращение фондовых коллекций (к 1938 г. общее количество предметов уменьшилось до 17 тыс. единиц) и «полный развал музейного хозяйства» (АВОКМ 1/28/2).

В июне 1938 г. после долгосрочной реконструкции открылась новая экспозиция Витебского музея, которая состояла из трех отде-

лов: древней истории, социалистического строительства и Сталинской конституции. Последний отдел занимал наибольшую площадь, где на отдельных пластинах золоченым тиснением были выведены названия глав конституции. В соответствии с содержанием новой экспозиции строилась и культурно-образовательная (читай – пропагандистская) деятельность музея. Посетителям предлагалось прослушать следующие лекции: «Северная война 1700–1721 гг.», «Отечественная война 1812 г.», «Наглядный урок истории от битвы на Чудском озере до событий у озера Хасан». Специальные выставки были посвящены 70-летию Ленина и 60-летию Сталина (Віцебскі 1938).

В мае 1940 г. в здании закрытого в ходе антирелигиозных кампаний костела Св. Антония Падуанского, входившего в комплекс Витебского бернардинского монастыря, открылся антирелигиозный музей, получивший статус филиала социально-исторического музея. В день его открытия посетители могли увидеть только один раздел его экспозиции под названием «Религия и наука о мироздании и человеке». К концу 1940 г. планировалось открыть еще три раздела: «Религия в классовом обществе», «Религия на службе империализма и ее контрреволюционная роль в СССР», «Строительство счастливой жизни в СССР без религии и попов». В центре храма создатели нового музея установили маятник Фуко как свидетельство суточного вращения Земли (рис. 5).

Рис. 5. Антирелигиозный музей в Витебске.
Конец 1930-х гг.

В течение последнего предвоенного 1940 г. реконструированный Витебский музей посетило 36,5 тыс. человек. Нам сегодня трудно судить, насколько добровольным было решение того или иного лица о посеще-

нии музея. Но логика становления тоталитарного общества говорит, что именно в то время была сформирована «добровольно-принудительная» система посещения советских музеев, работавшая в более мягкой форме и во второй половине XX в.

В 1933 г. по приказу местного партийного руководства Могилевский музей выселили из занимаемого им лучшего в городе здания Крестьянского банка. С помощью милиции и студентов фондовые коллекции и демонтированную экспозицию со значительными потерями за 24 часа перевезли в небольшое, непригодное здание. Вскоре там была развернута экспозиция по истории советского общества. Предметы из драгоценных металлов и камней (в том числе крест Ефросиньи Полоцкой) остались в бронированной комнате-сейфе банковского здания под надзором его нового хозяина – могилевского областного комитета КП(б)Б (НАРБ 4/27/115/42).

В январе 1934 г. на должность директора музея был назначен 32-летний архивариус партархива ЦК КП(б)Б И. С. Мигулин, руководивший музеем до июня 1941 г. По его словам, в условиях жесткого идеологического диктата и отсутствия соответствующего экспозиционного помещения он сконцентрировал свое внимание на выставочной деятельности, а также на охране недвижимого историко-культурного наследия. Так, в 1934 г. он пытался спасти от разрушения православный собор Св. Иосифа, создав там филиал своего музея – Музей истории религии и атеизма. В этом филиале, кроме предметов по истории христианства на белорусских землях, демонстрировались археологическая и палеонтологическая коллекции (в том числе и единственный в республике скелет мамонта).

В 1938 г. по распоряжению первого секретаря ЦК КП(б)Б А. А. Волкова собор Св. Иосифа был взорван. Музейные коллекции перевезли в здание закрытой синагоги, затем – в ветхое строение, предназначавшееся для летнего цирка. Наконец около 7 тыс. предметов, что составляло примерно 25 % от прежних фондов, перевезли в часовню на Успенском кладбище (НАРБ 4/27/115/45). Оставшиеся коллекции погибли летом 1941 г. местонахождение большинства ценностей из комнаты-сейфа, в том числе креста Ефросиньи Полоцкой, неизвестно.

Постановлением ЦК КП(б)Б от 28 июля 1937 г. было решено закрыть Гомельский исторический музей, который из-за специфики своих коллекций не мог выполнять пропагандистские функции. Во дворце Румянцевых-Паскевичей было решено открыть дворец пионеров. И лишь случайная реплика о необходимости сберечь собранное, брошенная наркомом обороны К. Е. Ворошиловым во время осмотра дворца, спасла ценное собрание. Однако дворец пионеров в части здания все же был открыт (НАРБ 4/3 470/54).

Как часть советской культурной политики следует рассматривать и продажу за рубеж художественных и исторических памятников, которая давала валютные средства для решения насущных задач социалистического строительства. В 1920-х – первой половине 1930-х гг. из музейных хранилищ исчезали шедевры европейских мастеров, мебель, ювелирные изделия, религиозные памятники, старинные рукописи. Продавали ценности из крупнейших музеев бывшего СССР, в том числе Эрмитажа, Русского музея, Киевского музея западного и восточного искусства. Музеи БССР также не смогли избежать этого процесса.

Первая партия белорусского «экспортного музейного товара» состояла из 132 предметов (севрского и венского фарфора, мелкой пластики, в том числе венецианской шкатулки XV в., посуды эпохи барокко, старинных музыкальных инструментов, гравюр) и была отправлена из Минска в Москву в июне 1922 г. (НАРБ 101/1/2215/46). Начиная с 1929 г. подбором и вывозом экспонатов за границу занималась экспортно-импортная контора «Госторгбел», выполнявшая приказы Всесоюзной государственной торговой конторы «Антиквариат». Ее первой жертвой стал БГМ, откуда в 1928 г., несмотря на сопротивление С. М. Некрашевича и В. Ю. Ластовского, изъяли ряд православных икон, заинтересовавших западных коллекционеров. Несколько позже таким же путем из фондов музея исчезли картины М. М. Антокольского, Ю. М. Пэна, Я. М. Крюгера и других известных мастеров. В следующем году вывоз экспонатов из Белоруссии достиг таких размеров, что возникла необходимость в создании в Минске экспортного музейного фонда и экспортной комиссии, члены которой осуществляли доставку отобранных пред-

Рис. 6. Дом-музей
I съезда РСДРП.
Конец 1920-х гг.

метов музейных коллекций в Москву, откуда они отправлялись в западноевропейские и американские антикварные салоны и на аукционы (ЦНАНАБ 67/1/26/257).

Однако темпы и объемы изъятий, видимо, не удовлетворяли московское партийное руководство. В конце 1931 г. в БССР был командирован представитель «Антиквариата» А. Брук, который осуществил крупнейшее изъятие ценностей. Он объехал все музеи НКП и вывез оттуда сотни ценных памятников истории и искусства – гравюры Дюрера, фламандские гобелены, средневековые изделия из серебра, слущкие золототканые пояса и др. (НАРБ 126/1/176/7–17).

Новым явлением в развитии музейного дела СССР стало возникновение музеев, посвященных истории революционного движения. Находясь в подчинении Комиссии по истории Октябрьской революции и ВКП(б) (Истпарта), эти музеи создавались прежде всего с целью пропаганды большевистской идеологии. В то же время они являлись важными центрами по выявлению и изучению первоисточников по истории политических партий и движений (рис. 6).

В БССР первый подобный музей был создан в Минске, когда постановлением от 19 января 1923 г. ЦИК БССР национализировал дом, где прошел I съезд Российской социал-демократической рабочей партии (РСДРП) (НАРБ 6/1/179/174). Вскоре там была открыта мемориальная экспозиция. 2 мая 1926 г. в Минске состоялось торжественное открытие Музея революции БССР. Его экспозиция строилась по образцу Центрального музея революции в Москве и в основном включала копии материалов по революционному дви-

жению в Российской империи от декабристов до социалистического строительства. Однако существовал и белорусский отдел, где хранились оригинальные документы по деятельности народников, Бунда, национальных социалистических организаций, комплекты газет, выходивших в белорусских городах, и другие ценные памятники политической истории. Первым директором Музея революции БССР, филиалом которого стал Дом-музей I съезда РСДРП, был назначен участник революции 1905 г., известный деятель Бунда, заведующий Истпарта С. Х. Огурский (в 1938 г. приговорен к пяти годам ссылки, где и умер) (НАРБ 93/1/4706/120).

На протяжении 1930-х гг. Музей революции БССР периодически подвергался жесткой критике со стороны республиканского партийного руководства. Критиковалось прежде всего содержание экспозиции музея, которое научные сотрудники не успевали подстраивать под быстро меняющуюся политическую конъюнктуру. Так, в сентябре 1931 г. президиум ЦИК БССР на своем заседании пришел к выводу, что главным недостатком в работе музея является «...недостаточное выявление роли большевизма и истории классовой борьбы в Белоруссии, ограниченность экспозиции музея периодом гражданской войны и почти полное отсутствие материалов периода социалистического строительства» (НАРБ 6/1/2294/93). На том же заседании было решено в течение 1932 г. провести реорганизацию всей экспозиции, после чего из нее исчезли даже упоминания о существовании небольшевистских политических партий.

В 1935 г. в музей прибыла комиссия Истпарта, которая выявила «ряд политических ошибок, фальсификацию материалов экспозиции, необработанные архивные документы». «Политическими ошибками и фальсификацией» члены комиссии назвали экспонирование портрета и личных вещей репрессированного известного советского военачальника Г. Д. Гая, групповой фотографии на фоне флага с надписью «Бунд», портрета историка партии В. И. Невского, незадолго до этого обвиненного в троцкизме, и т. д. Результаты работы комиссии стоили жизни нескольким сотрудникам музея. Осенью 1935 г. по обвинению в троцкизме были арестованы и приговорены соответственно к пяти и трем годам исправительно-тру-

довых лагерей директор А. А. Данильчик и научный сотрудник М. Ф. Кийко (оба погибли). Политические ошибки во время проведения экскурсий стоили трех с половиной лет лагерей научному сотруднику С. Г. Розиной.

После чистки 1935 г. Музей революции БССР окончательно потерял свое значение как центр изучения и популяризации политической истории Белоруссии. В июле 1938 г. был ликвидирован Истпарт, а летом 1939 г. музей перевели в непригодное для музейной эксплуатации помещение в одном из зданий БелАН. Там была развернута экспозиция, структурированная по главам «Краткого курса истории ВКП(б)», которая не пользовалась популярностью. За первое полугодие 1940 г. ее осмотрело менее 2 тыс. человек (НАРБ 4/21/2023/15). В 1941 г. музей прекратил свое существование.

В 1935 г. комиссия Истпарта рассматривала не только работу Музея революции, но и его филиала – Дома-музея I съезда РСДРП. Там также были обнаружены недостатки в виде отсутствия показа роли Ленина и Сталина как создателей партии, искровского периода деятельности большевиков, борьбы большевиков с народниками. Для исправления этих ошибок в экспозиции понадобилось около двух лет. Когда в 1937 г. Дом-музей I съезда вновь открыл свои двери для посетителей, они были искренне удивлены... отсутствием предметов интерьера, в котором проходил съезд. Их заменили стенды с пропагандистскими материалами по истории партии (Бронский, «Открытие домика, где проходил I съезд РСДРП», 1937). Как и Музей революции, Дом-музей I съезда РСДРП погиб в 1941 г. В середине 1930-х гг. прекратил существование еще один музей политической истории, открытый в 1928 г. – музей Общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев в Минске (Вперед 1925).

Общественные краеведческие музеи

Постепенно со второй половины 1920-х гг. усилилось стремление руководства БССР идеологизировать деятельность общественных краеведческих музеев, особенно в образовательной сфере. Это прослеживается по выступлениям государственных и политических

Рис. 7. Школьники – участники краеведческой экскурсии на завод «Красная Березина». 1929 г.

деятелей на краеведческих конференциях, публикациям в периодической печати, организационно-методической деятельности ЦБК.

Работа краеведов была формой демократической самодеятельности, самоорганизации местной жизни, традиции которой уходят корнями в XIX в. Передача знаний в краеведческих музеях шла, минуя государственные учебные заведения, без унифицированных методик и обязательных распоряжений. Это не соответствовало курсу на бюрократизацию общественной жизни, который был взят в условиях формирования культа личности Сталина. Краеведческие музеи в условиях обострения классовой борьбы и массовых миграций стремились сохранить связь людей со своей малой родиной, связи между представителями разных слоев общества и разных поколений, сделать их источником дальнейшего культурного развития. В условиях командно-административной системы, которая формировалась Сталиным, такая деятельность перестала быть нужной власти. С 1930 г. в общесоюзном масштабе развернулась кампания за «новый этап» в развитии краеведения с тем, чтобы тесно связать его с задачами социалистического строительства. В качестве главной задачи краеведов было определено изучение пя-

тилетнего плана развития района и практическая помощь в его выполнении.

В БССР перестройка краеведческой деятельности совпала с первой волной массового террора, когда ОГПУ арестовало группу национал-коммунистов. Среди них были три бывших члена республиканского правительства, которые имели непосредственное отношение к развертыванию краеведческого движения 1920-х гг. – нарком труда И. Л. Дыла, нарком просвещения А. В. Балицкий, нарком земледелия Д. Ф. Прищепов. Вместе с другими национальными деятелями, выдающимися учеными, писателями, работниками просвещения и искусства они были обвинены в принадлежности к не существовавшей контрреволюционной организации «Союз освобождения Беларуси» (рис. 7).

Новый курс в краеведении был объявлен на III Всебелорусской краеведческой конференции, состоявшейся в Минске 25–26 января 1930 г. На ней прозвучала разгромная критика деятельности лучших краеведческих организаций, заранее организованная партийным руководством республики. ЦБК обвинили в отсутствии ясной установки по экономическим вопросам. Заранее подготовленные делегаты отмечали низкий уровень работы по изучению колхозного движения и промышленности, требовали ликвидации национальных секций при краеведческих организациях.

В повестку дня конференции был включен вопрос о состоянии музейного дела. Во время обсуждения этого вопроса выдающегося теоретика, практика и организатора краеведческого движения в БССР Н. И. Касперовича вынудили призвать делегатов к организации краеведческих музеев на новых принципах. Эти принципы были изложены в специальной брошюре, где Н. И. Касперович поместил перечень экспонатов, которые следовало демонстрировать в музеях. Подобные музеи, по его образному выражению, должны были стать «кафедрами социалистического строительства». Представитель Музея революции предлагал краеведам сосредоточиться на сборе материалов по истории революционного движения. Заведующий Полоцким краеведческим музеем говорил о необходимости в объединении всех музеев в пределах одного города. Впервые прозвучала

тревожная информация о закрытии музеев. Первой жертвой новой музейной политики стал Комаринский городской краеведческий музей, который был выброшен на улицу местной кооперацией, а в музейном помещении открыли столовую (Наш край 1930).

В результате на конференции была принята резолюция «О положении краеведения в БССР», которая призвала белорусских краеведов к «...разработке вопросов, связанных с индустриализацией страны, изучением энергетических ресурсов, колхозного движения, повышения урожайности сельского хозяйства, состояния промышленности района, его производительных сил, революционного движения» (Наш край 1930).

После окончания III Всебелорусской краеведческой конференции подобные конференции прошли в окружных и районных центрах БССР, где организаторы краеведческого движения обвиняли себя в предательстве идеи социалистического строительства, голосовали за исключение из состава организаций своих товарищей, арестованных ОГПУ, разрабатывали планы перестройки своей работы. Содержание некоторых решений, которые принимались на этих конференциях, невозможно объяснить с позиций здравого смысла. Так, участники Слуцкой районной конференции, где за несколько недель до этого были арестованы наиболее активные и талантливые краеведы, одобрили резолюцию следующего содержания: «Просить правительство наградить Орденом Ленина славный орган диктатуры пролетариата – ОГПУ» (Савецкая 1930).

Одновременно с конференцией в республике состоялась краеведческая пятидневка (25–30 января 1930 г.), которая прошла под лозунгом раскрытия национализма в краеведении. Эта акция, явившаяся своеобразным продолжением конференции, напугала наиболее активных краеведов. Член ЦБК Ф. П. Садовский в середине 1931 г. был вынужден констатировать, что в ряде мест наблюдается полный развал краеведческой работы, что старые краеведы отошли от дел, а новые еще не появились. Были разгромлены краеведческие организации в Борисове, Ветке, Орше, Витебске, Полоцке, Лепеле, Дриссе, Крупках, Горках, Минске. «Поверив контрреволюционным вредительским слухам, что краеведение и белорусский наци-

онал-демократизм – это одно и то же, группа краеведов, которая ранее активно работала, отошла, отмахнулась от краеведения и в ряде районов совсем отсутствуют организации» (Садоўскі 1931а, 3).

И, тем не менее, основания для отождествления понятий национал-демократизма и краеведения все же были. В число арестованных «национал-демократов» попали наиболее активные деятели краеведческого движения, в том числе В. Ю. Ластовский, Н. И. Касперович, А. А. Шлюбский, С. М. Мелешко, Г. А. Пецевич, М. С. Ломако и др. Лишь единицы старых ученых, еще не понявшие кардинального поворота в государственной политике, наивно пытались приспособить краеведческие наработки 1920-х гг. к новым социально-экономическим и культурным реалиям. Так, в апреле 1930 г. известный этнограф И. А. Сербов обратился в НКП с предложением организовывать этнографические музеи в районах сплошной коллективизации. Вполне оправданную и необходимую работу по консервации и экспонированию этнографических памятников И. А. Сербов предлагал проводить в опустевших домах зажиточных крестьян, высланных вместе с семьями в Сибирь во время кампании за сплошную коллективизацию 1929 г. В частности, он писал: «Там совсем легко найти старую усадьбу, преимущественно середняка, и приспособить эту усадьбу полностью для музея» (НАРБ 42/1/1947/39). Излишне говорить о том, что власти имели совсем другие, более прагматичные планы относительно жилищного фонда, который освобождался в ходе коллективизации.

Новые люди, назначенные на должности арестованных и изгнанных краеведов, не имели ни желания, ни знаний, чтобы возглавить краеведческое движение. Прочитируем ответ Гомельского районного бюро краеведения на запрос ЦБК о положении дел в 1931 г.: «Откровенно говоря, общества не существует, его членов нет и никакой работы не ведется <...> Два раза назначалось расширенное заседание правления по вопросам краеведческой пятинедельки с участием городских представителей партии, комсомола, профсоюзов, комиссариата просвещения, но оба раза никто не явился <...> На этом работа и остановилась <...> Председатель общества, выделенный горкомом КП(б)Б, никакой работы не ведет, о чем Горком

Рис. 8. Журнал «Советская страна». 1931 г.

хорошо знает, но взамен его никого не выделяет» (Садоўскі 1931а, 5).

В последний период своего существования (1930–1933) ЦБК работало в составе массового сектора БелАН. Краеведческая работа понималась там как часть массовой научно-исследовательской работы на фабриках и заводах, в колхозах и совхозах. Возник новый термин – «производственное краеведение». В то время ЦБК было занято преимущественно созданием программ и инструкций по экономическому изучению районов, по сбору лекарственных растений, полезных ископаемых, на-

блюдению фенологических явлений. Историческое краеведение свелось к истории революционного движения и гражданской войны.

В октябре 1930 г. работа ЦБК обсуждалась на президиуме БелАН. Там звучала резкая критика краеведов за идеализацию буржуазно-помещичьего строя, националистический уклон в этнографической и фольклорной работе. Был изменен состав ЦБК и редакции краеведческого журнала «Наш край», переименованного в «Советскую страну». На смену авторитетным ученым пришли лица, которые имели опыт преимущественно партийной или государственной работы. Председателем ЦБК был назначен чиновник НКП В. С. Серафимов. Новому составу ЦБК рекомендовалось в качестве первоочередных задач изучить состав членов краеведческих организаций с целью избавления от «враждебных элементов», а также пересмотреть всю методическую литературу. Были созданы бригады по проверке печатной краеведческой продукции и выявлению неправильных установок в национальном вопросе (рис. 8).

Следующей мерой, направленной на уничтожение краеведческого движения, была организационная перестройка краеведческой сети БССР. Эта мера зеркально повторяла реорганизацию краеведческой сети РСФСР, которая была проведена ранее. Суть

ее заключалась в построении сети краеведческих организаций по производственному принципу, т. е. в перенесении всей работы в краеведческие ячейки на фабриках и заводах, колхозах и совхозах. Руководящим органом в районе являлось районное бюро краеведения. Административное руководство деятельностью краеведческих ячеек осуществлялось без учета их запросов и реальных возможностей. Таким образом добровольные и демократичные общественные организации были заменены органами, которые выполняли исключительно административные функции. Краеведческие организации сопротивлялись перестройке, сохраняя старую организационную структуру, или самораспускались. Из 75 районов БССР лишь в 15 сумели организовать районные бюро краеведения. Не более успешной была работа по организации краеведческих ячеек на предприятиях. По всей БССР их было создано 94, они объединяли менее тысячи человек (Савецкая 1932б, 93).

В начале 1930-х гг. власти еще пытались возродить краеведческое движение, используя административные рычаги. Был создан отдел краеведения и музеев в составе НКП. ЦК КП(б)Б приняло постановление, предписывавшее местным властям помогать краеведческим обществам. В постановлениях партии и правительства того времени мы находим также рекомендации по организации материальной помощи краеведческим организациям. В них отмечается необходимость издания научно-популярной литературы, библиографических справочников и пособий для краеведческих ячеек (Собрание 1932, 11).

Однако несмотря на все эти меры, краеведческое движение в республике так и не возродилось. Когда в мае 1932 г. Президиум Бел АН созвал Всебелорусскую конференцию по научно-исследовательской работе, то краеведческое движение на ней представляли лишь 9 человек, причем представители городских краеведческих организаций из Речицы, Полоцка, Мозыря, Мстиславля и Рогачева, где уже были ранее открыты важные в научном отношении музеи, сообщали о начале работ по созданию собственных музеев. Работа, сделанная в 1920-е гг., во внимание не принималась (Савецкая 1932а, 131).

Изменение отношения руководства БССР к краеведению обусловило пересмотр приоритетов в музейной сфере. В 1929 г. экспортно-импортная контора «Госторгбел» создала в окружных центрах специальные комиссии по выявлению в краеведческих музеях предметов истории и искусства, имеющих «экспортную ценность». Сначала забирали то, что не имело белорусской территориальной привязки. Например, из краеведческого музея в Орше забрали комплект (132 единицы) изображений различных эпизодов франко-прусской войны, произведения китайского и японского изобразительного искусства и др. С течением времени чиновники «Госторгбела» перешли к экспорту белорусского историко-культурного наследия. На православные белорусские иконы был большой спрос на антикварных рынках Чехословакии и Югославии, предметы быта и искусства белорусских евреев отправляли в США и т. д. (НАРБ 4/8/14/777).

Подобное отношение к общественным краеведческим музеям было идеологически закреплено в 1932 г. на Всебелорусском совещании музейных работников. Музейно-краеведческой проблематике на нем был посвящен доклад председателя ЦБК В. С. Серафимова «Музей и краеведческая работа». В нем не учитывалась специфика работы краеведческого музея, что и отразилось на содержании резолюции, принятой по докладу. Краеведческим музеям предлагалось в максимально короткие сроки создать новые марксистские экспозиции, но не раскрывались конкретные способы реализации этой задачи. Это приводило к тому, что новые разделы экспозиций не располагали аутентичными памятниками и создавались на иллюстративном и текстовом материале. Борьба против так называемого «вещевого фетишизма» обусловила почти полное исключение памятников из экспозиций краеведческих музеев и превращала их в собрание этикеток и текстов. Влияние социологизма и схематизма отразилось в рекомендациях по созданию упрощенных экспозиций, в которых под заранее принятую схему подгонялись экспонаты, а если таковых не находилось, изготавливались научно-вспомогательные материалы (Савецкая 1930, 71).

По итогам Всебелорусской совещания 11 апреля 1932 г. коллегия НКП БССР приняла постановление № 58, которое обязало все

краеведческие музеи под ответственность их директоров провести реорганизацию своих экспозиций, обратив особое внимание на «...освещение соцстроительства и классовой борьбы пролетариата, на антирелигиозную работу, усиление обороноспособности страны и производственно-техническую пропаганду» (Савецкая 1932а, 85). На последнюю задачу было обращено особое внимание в целях максимального содействия реализации первого пятилетнего плана. Предлагалось организовывать выставки, которые бы отражали выполнение пятилетнего плана в СССР, и на его фоне показывать мероприятия, проведение которых намечалось в БССР. Открытие нового промышленного предприятия должно было сразу же отображаться в краеведческом музее с целью наглядного информирования населения о ходе реализации пятилетнего плана. В контексте вышесказанного следует понимать появление утопических проектов, вроде того, что был разработан чиновниками НКП в конце 1932 г. Его суть заключалась в создании по всей территории БССР сети политехнических музеев, которые бы являлись своеобразной альтернативой закрывшимся общественным краеведческим музеям.

Сеть политехнических музеев, по мнению авторов проекта, следовало привязать к предприятиям и колхозам (совхозам) следующим образом: Борисов (леспромхоз), Борковичи (льнозавод), Витебск (завод «Красный металлург»), Орша (электростанция), Орша (льнопрядильный комбинат), Городок (совхоз), Гомель (завод им. Ланцуцкого), Дзержинск (МТС), Добруш (бумажная фабрика), Дрисса (колхоз), Дубровно (мануфактура), Житковичи (колхоз), Климовичи (силикатный завод), Кричев (цементный завод), Лиозно (колхоз), Мозырь (совхоз), Могилев (шелковая фабрика), Минск (завод им. Ворошилова), Мстиславль (льнопрядильный завод и совхоз), Полоцк (керамический завод), Речица (спичечная фабрика), Слуцк (колхоз), Туров (совхоз), Червень (совхоз), Шклов (бумажная фабрика) (Рак-Міхайлоўскі 1932, 61).

Стремление направить краеведческое движение в русло текущих хозяйственных нужд уже в середине 1930-х гг. привело к катастрофическим результатам – большинство краеведческих организаций вместе с их музеями прекратили существование. В ряде случаев

ценные коллекции были просто выброшены на улицу и погибли. В результате тяжелый удар получила не только наука, которая утратила ценную источниковую базу, но и белорусское общество в целом. Развитие краеведения затормозилось на десятилетия. Начались репрессии против краеведов. Молодых специалистов, в том числе исследователей истории революционного движения, отправляли в ссылку в отдаленные районы РСФСР, лагеря ГУЛАГа. В 1937 г. большинство из них были повторно арестованы и расстреляны.

На преодоление схематизма и вульгарного социологизма в экспозициях краеведческих музеев были направлены решения высшего партийного руководства республики, принятые в середине 1930-х гг. В 1936 г. ЦК КП(б)Б сделал последнюю попытку возродить краеведческое движение в республике, приняв 21 июня постановление «О краеведческой работе и положении музейного дела в БССР». В нем руководству НКП, комсомолу и профсоюзам предлагалось активно включиться в работу по развертыванию краеведческого движения в республике. Разворачивать краеведческое движение партийное руководство собиралось с помощью следующих мероприятий: школьных туристских походов, шлюпочных пробегов по несудоходным рекам, экскурсий к памятникам гражданской войны, издания инструкций по составлению школьных гербариев, минералогических коллекций и созданию живых уголков. В отдельном пункте постановления шла речь о создании совета по краеведению при НКП (НАРБ 4/3/342/12).

Как видим, в середине 1930-х гг. изменилось понимание сущности феномена краеведения и краеведческого музея, который теперь понимался лишь как средство воспитания детей, своеобразное живое наглядное пособие, упрощающее усвоение школьной программы. Партийные идеологи стремились вытравить память о краеведении и краеведческих музеях 1920-х гг. Излишне говорить, насколько эффективными могли быть детские шлюпочные походы и экскурсии к памятникам гражданской войны в деле возрождения краеведческого движения.

Попытки теоретического обоснования подобного отношения к краеведческим музеям были сделаны в ряде статей, опубликованных

в начале 1930-х гг. Так, А. К. Супинский в статье «За новый музей» утверждал, что «...музей, как хранилище, как магазин старинных вещей должен исчезнуть, уступить место музею-школе, массовому университету, где в ногу со всей советской общественностью начнется борьба за новую жизнь, за нового человека» (Супінскі 1930, 7). Ф. П. Садовский в своей статье делал акцент на политехнизацию работы музеев: «Музей должен быть при каждой школе всех степеней. Его фундамент – различные кружки, которые организуются при школах. Производственный уголок в экспозиции должен отражать жизнь и работу тех производственных предприятий, с которыми непосредственно связана данная школа. Все производственные процессы на этих предприятиях, их положительные и отрицательные стороны должны быть показаны в производственных уголках школы, а также школьных музеях» (Садоўскі 1931б, 22).

Однако на практике происходило другое. К наиболее разрушительным результатам новой музейной политики следует отнести уничтожение краеведческого музея в г. Орше. С 1930 по 1939 гг. его закрывали шесть раз, коллекции перебрасывали из одного помещения в другое, сваливали их в подвалы и на чердаки. В сентябре 1939 г. остатки коллекций по приказу председателя городского совета были выброшены из последнего убежища в здании райисполкома на улицу. Через какое-то время городские власти приказали погрузить картины и другие произведения искусства на подводу и перевезти в городской театр. Но места для музейных коллекций не нашлось и там, и они вновь оказались на улице. В результате часть оставшегося музейного собрания была сброшена в угол одной из комнат райисполкома, остальное так и осталось во дворе под открытым небом (НАРБ 4/27/115/265).

В 1936–1938 гг. закрылись краеведческие музеи в Слуцке, Мозыре, Наровле, Мстиславле, Червене и некоторых других городах районного подчинения, судьба их коллекций неизвестна. Несколько сохранившихся общественных краеведческих музеев приобрели государственный статус путем передачи их в ведение НКП. Таким образом, понятие «общественный краеведческий музей» в БССР было забыто на долгие десятилетия.

Музеи западной части БССР

В октябре 1939 г. НКП БССР направил во вновь присоединенные западные районы республики бригаду научных сотрудников музеев, которая обследовала там состояние музейного дела и охраны памятников. По итогам поездки СНК БССР разработал ряд мер, направленных на организацию музейного дела в регионе на новых началах. Запрещался вывоз с территорий Западной Белоруссии художественных и исторических ценностей. Одновременно ставились на учет наиболее ценные памятники. Отделам народного образования временных администраций было предписано взять на баланс существовавшие музеи. Народнохозяйственный план на 1940 г. предусматривал организацию в западных областях БССР следующих музеев: областных историко-революционных – в Белостоке, Бресте и Пинске, районных краеведческих – в Волковыске, Слониме, Мире, литературного – в Новогрудке, изобразительных искусств – в Барановичах и Белостоке, исторического – в Гродно (НАРБ 4/27/252/18).

Радужная картина музейного строительства, которую рисовали авторы этого официального документа, не во всем совпадала с реальными событиями. В сентябре 1939 г., после ареста сотрудниками НКВД выдающегося национального деятеля А. И. Луцкевича, приостановил работу возглавляемый им Белорусский музей в Вильно. Вскоре после образования Литовской ССР прекратило существование Белорусское научное общество, которое курировало музей, а сам Белорусский музей передали Академии наук Литовской ССР. Попытка президиума Академии наук БССР получить коллекции Белорусского музея в обмен на имевшиеся в Минске музейные и архивные материалы литовского происхождения, предпринятая в мае 1941 г. по инициативе народных поэтов Я. Купалы и Я. Коласа, не увенчалась успехом в связи с вторжением немецких войск (коллекции музея были поделены между белорусскими и литовскими музейными, архивными и библиотечными учреждениями в 1945 г.).

По приказу советских властей была свернута экспозиция музея в Гродненском замке, созданная известным археологом и нумизма-

том Ю. Ю. Иодковским. Часть коллекций Гродненского музея передали в Белосток для планируемого там областного краеведческого музея. В Гродненском замке новые сотрудники показывали временные выставки пропагандистского содержания («Жизнь и деятельность В. И. Ленина», «Освобождение Западной Белоруссии» и т. п.), которые присылались из Москвы.

Тогда же к музею в замке в качестве отдела был присоединен Гродненский естественнонаучный музей. С. Живно, который создал этот музей и руководил им на протяжении 15 лет, уволили с работы, что отрицательно сказалось на дальнейшей судьбе собрания. В апреле 1941 г. Белостокский обком КП(б)Б постановил передать коллекции бывшего Гродненского естественнонаучного музея местному пединституту, однако вскоре выяснилось, что 40 % чучел животных и птиц погибло еще в 1940 г., и передача не состоялась (НАРБ 4/3/1200/67).

Вот как описывает атмосферу того времени в Гродненском музее методист по музеям НКП в докладной записке Председателю Президиума Верховного Совета БССР Н. Я. Наталевичу: «Музей-замок в Гродно, который некоторое время находился в ведении Управления по делам искусств, несколько месяцев использовался как склад, куда свозились изъятые из имений картины. Сам музей буквально разгромлен бывшим директором Бельковичем и нанятыми им в качестве научных сотрудников этнографом Карелиной и технологом-кожевником Хинчуком. Вся экспозиция была свернута в целях якобы «коренной перестройки». Материалами обследования выяснены факты пьянок и дебошей упомянутых сотрудников в музее. В текущий момент, несмотря на то, что замок перешел в подчинение НКП, старые сотрудники и их установки еще остались. Бесконечно тянется передача дел от одного директора к другому. Залы и экспонаты напоминают не музей, а картину какой-то битвы» (НАРБ 4/27/252/16). После этого обращения в высшую государственную инстанцию ситуация в музее изменилась в лучшую сторону. В 12 залах замка была воссоздана и 13 апреля 1941 г. открыта для всеобщего обозрения историческая экспозиция, которая иллюстрировала историю Беларуси с древнейших времен до 1940 г.

В сентябре 1939 г. Пинский музей был подчинен городскому отделу народного образования и переименован в Пинский историко-революционный музей. В соответствии с новым названием в нем появился отдел «Край под игом буржуазной Польши». Одновременно увеличился объем фондового собрания музея за счет предметов истории и искусства, национализированных новой властью в резиденциях знати и у зажиточных горожан.

Подобным образом комплектовалось и фондовое собрание Барановичского музея изобразительных искусств, где к моменту его открытия 17 сентября 1940 г. хранились произведения Я. Матейко, Й. Зимлера, Я. Каневского, Х. Рауха, китайский, саксонский и северский фарфор, итальянская мебель эпохи Ренессанса, многочисленные предметы декоративно-прикладного искусства XVII–XVIII вв. (Кашкурэвіч 1940). Однако с точки зрения власти, не они должны были являться приоритетом в экспозиционной деятельности музея. Вот что писал вскоре после открытия экспозиции официальный орган Барановичского обкома КП(б)Б: «Большинство замечаний приходится на отдел «Советское искусство», на его непродуманное оформление, скудную подборку художественных работ, которых здесь представлено всего несколько штук. Это является главным недостатком. И этот недостаток надо в ближайшее время исправить, сделать отдел советского искусства, самого большого искусства в мире, интересным, содержательным» (Фінкевіч 1940).

Вскоре после установления советской власти в Слониме там прекратил свою работу музей, созданный местным краеведом И. И. Стабровским. Методист НКП БССР по музеям следующим образом описывает его положение в декабре 1940 г.: «В Слониме помещение, предоставленное музею Временным Управлением в ноябре 1939 г. (дом фабриканта Гуревича), занято под квартиру председателя райисполкома Швайнштейна, а экспонаты музея, выброшенные из его старого здания, свалены в беспорядке в двух проходных комнатах одной из частных квартир» (НАРБ 4/27/110/14).

Если мемориальный музей А. Мицкевича в Новогрудке после роспуска общественного комитета по его управлению (сентябрь 1939 г.) приобрел официальный статус государственного, то мемо-

риальный музей Э. Ожешко в Гродно был расформирован. Его помещение сначала было занято музыкальной школой, затем – физкультурным техникумом. Часть рукописей знаменитой писательницы сотрудники Гродненского историко-археологического музея сумели сохранить, однако большая часть вещей, принадлежавших писательнице, исчезла (НАРБ 4/27/110/14).

Заключение

Оценивая более чем десятилетний (1928–1941) период истории белорусских музеев, в том числе состояние музейной сети, основные направления музейной работы, становление органов руководства музейным делом, а также основные законодательные акты в данной области, необходимо констатировать, что их развитие в целом шло по пути усиления тоталитарных тенденций. Следует отметить, что и в период проведения новой экономической политики попытки найти новые демократические подходы в музейной деятельности делались в рамках пролетарской идеологии и марксистской науки. Однако уже к концу 1928 г. понимание государством музея как важной составной части системы национального воспитания, инструмента политики белорусизации сменилось принципиально новым взглядом на него лишь как на часть общепартийной пропагандистской работы.

Пропагандистская функция музея гипертрофировалась, между тем как специфика музея как научно-исследовательского и научно-просветительского учреждения оставалась недооцененной. Главнаука и Музейный совет как коллегиальные органы, в которые входили видные представители белорусской науки и культуры, были упразднены. Вместо них в составе НКП был создан безликий отдел, где музеи потерялись между клубами и избами-читальнями. Государственные и общественные музеи БССР оказались в подчинении различных ведомств без координации между ними. Эти негативные тенденции привели к большим потерям квалифицированного музейного персонала и национального культурного наследия.

На рубеже 1930-х и 1940-х гг. после провозглашения решающих успехов культурной революции в СССР и начавшегося потепления политического климата в стране государством был проведен ряд мероприятий, направленных на восстановление музейной сети и охрану памятников при сохранении прежних идеологических подходов. В Минске открылась Государственная картинная галерея БССР, в Витебске – музей художника Ю. М. Пэна, правительством была начата работа по доставке коллекций Белорусского музея из Вильно в Минск. Развитие этих инициатив прервала оккупация территории БССР немецкими войсками в июне 1941 г.

Библиографический список

1. АВОКМ – Архив Витебского областного краеведческого музея (фонд/дело/лист)
2. НАРБ – Национальный архив Республики Беларусь (фонд/опись/дело/лист)
3. ЦНАНАНБ – Центральный научный архив Национальной Академии наук Беларуси (фонд/опись/дело/лист)
4. Акуневич, О. И. 2009. «1930-е годы – новый, своеобразный период в истории ВОКМ». *In 90 год Віцебскаму абласному краязнаўчаму музею: матэрыялы навук. канф. 30–31 кастрычніка 2008 г.*, рэд. Г. У. Савіцкі і інш. Мінск: Медысонт.
5. Бронский, Н. 1937. «Открытие домика, где проходил I съезд РСДРП». *Рабочий*, 14 апреля.
6. Віцебскі. 1938. *Віцебскі рабочы*, 14 чэрвеня.
7. Вперед. 1925. *Вперед* 4: 22.
8. Гужалоўскі, А. А. 2002. *Музеі Беларусі. 1918–1941*. Мінск: НАРБ.
9. Кандрацьева, Л. Ф. 1999. «З гісторыі музейнай справы ў Магілёве». *In Гісторыя беларускага Падняпроўя. Матэрыялы навук. канф. 13–14 лютага 1997 г.*, рэд. С. І. Бяспанскі і інш. Магілёў: Абл. друк.
10. Кашкурэвіч, А. 1940. «Баранавічы будуць мець карцінную галерэю». *Чырвоная звязда*, 29 сакавіка.
11. Ксяневіч, Ю. 2001. «Трагічны лёс музея». *Полымя* 3: 258–67.
12. Лявонны, Ю. 1931. «Музей у палоне». *Чырвоная Беларусь* 1: 13.
13. Марцэлеў, С. В. 1974. *К духоўному расцвету*. Минск: Беларусь.
14. Наш край. 1930. *Наш край* 2: 62.
15. Правда. 1935. *Правда*, 21 апреля.
16. Пружинина, Я. Б. 1933. «Музейное строительство в БССР». *Советский музей* 2: 50.
17. Рак-Міхайлоўскі, С. 1932. «Аб музеях БССР да XV гадавіны Кастрычніка». *Савецкая краіна* 10: 61.
18. Романчук, И. 1938. «Наркомпрос БССР не руководит музеями». *Советский музей* 8: 28.
19. Савецкая. 1930. *Савецкая краіна* 1–2: 34.
20. Савецкая. 1932а. *Савецкая краіна* 3: 85.
21. Савецкая. 1932б. *Савецкая краіна* 4: 84.

22. Савецкая. 1932b. *Савецкая краіна* 5: 131.
23. Садоўскі, Ф. П. 1931a. «Аб недаацэнцы краязнаўства». *Савецкая краіна* 6: 3.
24. Садоўскі, Ф. П. 1931б. «Музей – магутны агітатар і прапагандыст соцыялістычнага будаўніцтва». *Савецкая краіна* 3: 22.
25. Собрание. 1932. *Собрание законов и распоряжений рабоче-крестьянского правительства БССР* 43.
26. Супінскі, А. К. 1930. «За новы музей». *Наш край* 7–8: 7.
27. Усава, Н. 2001. «Мастацкі Мінск 19 – пачатку 20 стагоддзя. Фарміраванне мастацкага асяродка. «Генеалогія» мастацкага музея». *Мастацтва* 3: 18–23.
28. Фінкевіч, А. 1940. «Музей выяўленчых мастацтваў». *Чырвоная звызда*, 22 лістапада.
29. Шода, Т. А. 2000. «Будущий счастливый обладатель...», *Краеведческие записки (к 80-летию Гомельского областного краеведческого музея)*, отв. ред. А. И. Дробушевский. Гомель: Упр. культуры Гомельского облисполкома.
30. Яніцкая, М. 1994. «Стан музейнай справы ў БССР у 20–30-я гады». *Вяртанне 2. Зборнік артыкулаў і дакументаў*. Мінск: БФК.

Prof. Alexander A. Huzhalouski

Department of Ethnology, Museology and Art History,
Belarusian State University,
Ul. Chyrvonaarmejskaja 6–30, Minsk 220 030, Belarus,
huzhalouski@gmail.com

List of illustration

- Рис. 1. Здание Минского социально-исторического музея. Сер. 1930-х гг.
Fig. 1. Building of Minsk Social-Historical Museum. Middle of the 1930s.
- Рис. 2. С. А. Рак-Михайловский – директор Минского социально-исторического музея. Начало 1930-х гг.
Fig. 2. S. A. Rak-Michajlovskij – director of Minsk Social-Historical Museum. Beginning of the 1930s.
- Рис. 3. Экспозиция Минского социально-исторического музея. 1933 г.
Fig. 3. Exhibition of Minsk Social-Historical Museum. 1933.
- Рис. 4. Стенгазета Витебского социально-исторического музея. 1935 г.
Fig. 4. Wall newspaper of Vitebsk Social-Historical Museum. 1935.
- Рис. 5. Антирелигиозный музей в Витебске. Конец 1930-х гг.
Fig. 5. Anti-Religious Museum in Vitebsk. End of the 1930s.
- Рис. 6. Дом-музей I съезда РСДРП. Конец 1920-х гг.
Fig. 6. House-Museum of the First Congress of Russian Social-Democratic Labor Party. End of 1920s.
- Рис. 7. Школьники – участники краеведческой экскурсии на завод «Красная Березина». 1929 г.
Fig. 7. School children – participants of the excursion to 'Red Berezyna' plant. 1929.
- Рис. 8. Журнал «Советская страна». 1931 г.
Fig. 8. 'Soviet Country' Journal. 1931.

Summary

MUSEUMS OF SOVIET BELARUS IN THE YEARS OF CULTURAL REVOLUTION. 1928–1941

By Alexander A. Huzhalouski

Using a wide range of archival sources, periodicals and contemporary research, information on the transformation of Soviet Belarusian museums in the years of cultural revolution (1928–1941) is presented in this article. By 1928 a centralized museums system was established in Soviet Belarus consisted of state public museums subordinated to the People's Commissar of Enlightenment Office, state museums subjected to various educational and research institutions and communal local lore museums coordinated by Central Bureau of Local Lore. The Soviet system of museum policy was revised in the 1930s, when Stalin further centralized the cultural sector by imposing the obligatory ideological pattern. Post-1930 development of Belarusian museums took place in a drastically different political, cultural and material context. The creating a new 'Soviet man' entirely replaced ethnic nation-building. After museums at western Belarusian ethnic lands became a part of the Soviet Belarus in 1939 they underwent profound changes as well. Basic functions of all Soviet Belarusian museums were subjected to comprehensive change including the manner in which societal processes was documented, the interpretation of collections on display, and even analysis of visitor logs and feedback. Museums, which were considered one of the most important channels for educating the communist masses, attracted special attention from the Communist party ideologists and government officials. The author provides insight into the character of phenomenon of totalitarian museum which was one of key element of political propaganda machine set up by the Communist Party Central Committee.

Key words: *Cultural revolution, communist ideology, state museum policy, People's Commissar of Enlightenment Office, Central Bureau of Local Lore, Belarusian State Museum, state public museums, communal local lore museums, museums of West Belarus.*